

# Веселухин ложок — эпизод 4 из 5

Немцы прицепились к этому слову.

— Ты откуда это знаешь?

Панкрат объясняет: в народе так сказывали.

Немцы свое:

— Скажи, кто говорил.

Панкрат подумал — еще подведешь кого ненароком, и говорит:

— Не упомяну.

Немцам это подозрительно стало. Долго они меж собой долдонили по-своему. Не то спорили, не то сговаривались. Потом и говорят:

— Скажи, мастер Панкрат, какие приметы этой женьшин Виселук.

Панкрат отвечает:

— Говорил, дескать, что это разговор только. Так сказывают, — молодая бабочка, из себя пригожая, одета цветисто, в одной руке стакан граненого хрусталя, в другой — бутылка.

Немцы вроде обрадовались, давай еще спрашивать: какой волос у женщины, нет ли приметок каких на лице, в которой руке стакан, какая бутылка. Одним словом, все до тонкости. Панкрат рассказал, а немцы и загоготали.

— Ага! Попался! Теперь видим, что Виселук знаешь. Показывай ее квартир, а то плохо будет.

Панкрат, конечно, осерчал и говорит:

— Коли вы такие чурки с глазами, так не о чем мне с вами разговаривать. Делайте со мной, что придумаете, а от меня слов не ждите.

Время тогда еще крепостное было. У немцев в заводе сила большая, потому как все главное начальство из них же было. Вот и начали Панкрата мытарить. Чуть не каждый день спросы да расспросы да все с приправью. Других людей тоже потянули. Кто-то возьми и сболтни, что про Веселуху еще такое сказывают, будто она узоры да расцветку иным показала. И про Панкрата упомянули, — сам-де сказывал, что расцветку на ноже из Веселухина ложка

принес. Немцы давай и об этом доискиваться. По счастью еще, что панкратова расцветка им не поглянулась. Не видно, дескать, в котором месте синий цвет кончается, в котором голубой. Ну, все-таки спрашивают:

— Сколько платил Виселук за такой глупый расцветка?

Панкрат на тех допросах отмалчивался, а тут за живое взяло.

— Эх, вы, — говорит, — слепыши! Разве можно такое дело пятаком али рублем мерить? Столько и платил, сколько маялся. Только вам того не понять, и зря я с вами разговариваю.

Сказал это и опять замолчал. Сколько немцы ни бились, не могли больше от Панкрата слова добыть. Стоит белехонек, глаза вприщур, а сам ухмыляется и ни слова не говорит. Немцы кулаками по столу молотят, ноги оттопали, грозятся всяко, а он молчит.

Ну, все-таки на том, видно, решили, что Веселухи никакой нет, и той же зимой стали подвозить к ложку бревна и другой матерьял. Как только обтаяло, завели постройку. Место от кустов да деревьев широко очистили, траву тоже подрезали и, чтоб она больше тут не росла, речным песком эту росчисть засыпали. Рабочих понагнали довольно и живехонько построили большущий сарай на столбах. Пол настлали из толстенных плах, а столы, скамейки и табуретки такие понаделали, что не пообедавши с места не сдвинешь. На случай, видно, чтоб не заскакали, ежели Веселуха заявится.

В заводе тоже по этому делу старались: лодки готовили. Большие такие. Человек на сорок каждая.

Ну, вот. Как все поспело, начальство-то оравой и поплыло на лодках к Веселухину ложку. Дело было в какой-то праздник, не то в троицу, не то — в семик. Нашего народу по этому случаю в ложке многонько. Песни, конечно, поют, пляшут. Девчонки, как им в обычае, хоровод завели. Одним словом, весна. Увидели, что немцы плывут, сбежались на берег поглядеть, что у них будет.

Подъехали немцы, сгруппировались на берегу и давай истошным голосом какое-то свое слово кричать. По-нашему выходит похоже на «дритатай».

Покричали-покричали это «дритатай», да и убрались в свой сарай. Что там делается, народу не видно, — потому сарай хоть с окошками, да они высоко. Видно, неохота было немцам свое веселье нашим показывать.

Наши все-таки исхитрились, пристроились к этим окошечкам, сверху глядели и так сказывали. Сперва, дескать, немцы-мужики пиво пили да трубки курили,

а бабы да девки кофием наливались. Потом, как все надоволились, плясать вроде стали. Смешно против нашего-то. Толкутся друг против дружки парами, аж половицы говорят. Мужики стараются один другого перетопнуть, чтоб, значит, стукнуть ногой покрепче. У баб своя забота, как бы от поту хоть маленько ухраниться. Все, конечно, гологруды, голоруки, а комар тоже свое дело знает. По весенней поре набилось этого гнуса полнехонек сарай, и давай этот комар немок донимать. Наши от гнуса куревом спасаются, да на воле-то его, бывает, и ветерком относит. Ну, а тут комару раздолье вышло. Тоже и одежда наша куда способнее. Весной, небось, никто голошеим да голоруким в лес не пойдет, а тут на-ко приехали наполовину нагишом! Туго немцам пришлось, только они все-таки крепятся — желают, видно, доказать, что комар им — тьфу. Только недаром говорится, что вешний гнус не то что человека — животину одолеет. Невтерпеж и немцам пришлось. Кинулись к своим лодкам, а там воды полно. Стали вычерпывать, а не убывает. Что такое? Почему? Оказалось, все донья решетом сделаны. Какой-то добрый человек потруился, — по всем лодкам напарьей дыр понавертел. Вот те и «дритатай».